

Дело было, когда я учился в первом классе самой лучшей школы (по мнению большинства родителей) лучшего города, в лучшей стране мира под названием СССР. Первоклашка лишь начинает знакомиться с большим и прекрасным миром за пределами дома родного — все для него ново, все привлекает внимание и вызывает интерес. Все хочется узнать, увидеть, подержать в руках. Сейчас я совершенно уверен, что увлечений и интересов у первоклассника никак не меньше, а может быть, даже и побольше, чем у почти взрослого, очень умного и важного выпускника средней школы.

Как и большинство моих друзей-приятелей, я увлекался собирательством. У нас все что-то собирали — кто значки, кто почтовые марки, кто этикетки со спичечных коробков или фантики от жвачек. Я коллекционировал почтовые марки, и к этому занятию меня привлек папа, он сам был серьезным коллекционером и крупным специалистом в филателии. Папа мне объяснил, что если уж собирать марки, то не все подряд, а придерживаться какой-то определенной тематики. Во-первых, это интереснее, а во-вторых, собирать все подряд не имеет смысла (всего не соберешь) и просто глупо. Разумеется, я выбрал тему «животный мир», как и другие мои друзья — юные филателисты.

Папа всегда интересовался, как продвигаются мои дела на ниве филателии, что нового приобрел, что интересного узнал о тех странах, где выпущены те или иные марки, что за животные изображены на марках, каких пород и где они обитают. Иногда он сам участвовал в пополнении моей коллекции — приносил из городского отделения Всесоюзного общества филателистов очень интересные, красивые и редкие марки.

Но однажды папа принес и подарил мне не новые марки, а серию замечательных значков, посвященных городу Ленинграду. К маленькой золотистой колодочке, на

которой была выгравирована надпись «Ленинград», крепился небольшой, тоже золотистый четырехугольник. На его поверхности, покрытой то ли эмалью, то ли пластиком, размещалась металлическая нашивка с изображением Стрелки Васильевского острова. Всего было три значка: с красным, синим и зеленым покрытием. Они, как новенькие медальки, сверкали, когда на них попадал свет, притягивали и завораживали. Это было настолько красиво, что я подолгу не мог оторвать от значков взгляда.

Правда, меня немного расстраивало то, что я не собирал значки, и, по большому счету, не знал, что с ними делать. Они просто лежали у меня в коробочке, и я периодически ими любовался. Конечно, я не мог не принести их в школу, чтобы показать своим приятелям — одна из самых повторяемых ошибок моего детства. И юности. И взрослой жизни тоже... Принести в школу (в институт, на работу) и показать друзьям то, чего у них нет, и что они тут же отчаянно захотели бы иметь!

Тогда со мной «водился» один мальчик, звали его Мишка, по прозвищу Боба. Правда, дружком моим он был лишь иногда. Гораздо важнее было то, что мой папа и его отец (большой начальник) были знакомы и притесествовали. А много позже, когда потребовали обстоятельства, отец Бобы помог моему папе с устройством на работу.

Сам Мишка Боба был фигурой очень неоднозначной. Без сомнения одаренный, и, возможно, самый умный мальчик в нашем классе, в начальной школе он был круглым отличником. В пятом классе он решил, что все что ему было нужно, он уже узнал, и забросил учебу. В каждый новый класс он переходил, едва вытягивая на тройки все предметы, и делал это сознательно. Миша не хотел учиться, а хотел заниматься тем, что ему нравилось. Он был замечательным фотографом и освоил это дело профессионально. В девятом классе его назначили официальным школьным фотографом, и даже выделили под фотолабораторию специальное помещение — бывший туалет на четвертом этаже. Фотолаборатория Бобы была обклеена плакатами, разными интересными художественными фотками, вырезками из иностранных и отечественных журналов и прочим. Мы, великовозрастные оболтусы, любили «забуриться» к Бобе в фотолабораторию, чтобы позубоскалить и пообсуждать девчонок на перемене. Кроме того, Боба оказался исключительно талантливым художником, что называется, от Бога. Однажды, в старших классах, когда я заглянул к нему в гости (он жил неподалеку от школы), то увидел на стене большой портрет отца Бобы, работы самого Бобы, мастерски выполненный маслом. Честно говоря, я был поражен, и очень рад за Бобу.

Что же сам Боба... Будучи, в общем, добрым мальчиком, он хулиганил по-мелкому в младших классах, любил в шутку поиздеваться над одноклассниками, особенно нашими отличниками и активистами в средних классах. А в старших вдруг полностью переменялся. Боба стал не по возрасту мудрым и печальным. Казалось, что он в один момент из мальчика сразу превратился во взрослого мужчину. Позже, через десять лет, на нашу встречу выпускников-одноклассников приехал дядя с окладистой бородой и взглядом умудренного жизнью старца. Его даже не все сразу узнали...

Но тогда, в 1968 году, когда я имел неосторожность принести свои значки «Ленинград» в школу, Мишка очень захотел, чтобы они были не у меня, а в его коллекции. Очень-очень захотел. Он, кстати, собирал значки, и его к тому времени уже довольно большая и богатая коллекция размещалась в специальных дорогих заграничных, с обтянутыми велюром страницами, альбомах. И я мог дать руку на отсечение, что подобных альбомов в городе больше не было ни у кого. Я во всяком случае не встречал.

Бобе были очень нужны мои значки. Наверное, он считал, что без них его коллекция была неполной. Да что там! Эти значки стали бы украшением, изюминкой всей коллекции Бобы. Мишка стал ходить за мной буквально по пятам и кланчить значки. Сначала он давил на то, что мы с ним друзья, а друзья, как известно, должны

делиться друг с другом значками. Потом убеждал меня в том, что если я собираю марки, то никак не должен собирать еще и значки, потому что «это нечестно». Угрожал, что больше никогда не будет со мной дружить, если я не отдам ему серию значков «Ленинград». Но я был непреклонен, потому что серия «Ленинград» нравилась мне самому, а потом, я ведь знал, что папа может расстроиться, если узнает, что я кому-то отдал его подарок.

Однажды Мишка подошел ко мне на большой перемене и с видом заговорщика отвел в сторонку. Оглянулся по сторонам, не подслушивает ли кто, прошептал, что ему удалось «достать» целое богатство. А именно, самую первую, самую ценную, и, разумеется, самую дорогую почтовую марку в мире!

— Это — «Розовый Маврикий»,— громко шептал он мне в самое ухо,— таких в мире всего несколько, и те бракованные. Есть еще «Голубой Маврикий» и «Оранжевый Маврикий»...

И он показал мне аккуратно уложенную в специальный «марочный» прозрачный пакетик маленькую беззубцовую марку бледно-оранжевого цвета с изображением профиля какой-то тетки. Самое интересное, что раньше я уже слышал (возможно, даже от папы) о таких марках, о том, что их очень мало, что они очень старинные и ужасно дорогие. Но чтобы у Бобы вдруг появилась одна из таких марок, было выше моего понимания. И, тем не менее, я ее держал в руках, и почти не сомневался, что приятель говорит правду. Во-первых, потому что октябрюта никогда не врут, а во-вторых, потому что был абсолютно уверен, что в Советском Союзе было возможно все, в том числе и раздобыть Первую Почтовую Марку в мире!

А Боба продолжал мне что-то нашептывать, в чем-то убеждать. Он говорил, что готов отдать мне такое богатство лишь только потому, что сам он марок не собирает. И просит он за эту «ценную редкость» всего лишь каких-то три «вшивых» значка! Честно говоря, я был сбит с толку основательно и окончательно. Все же, где-то в самой глубине души, я сомневался, но мальчиком был безотказным. Ему очень хотелось иметь значки «Ленинград», и он вертел пакетиком с «Розовым Маврикием» перед моим носом, показывая обратную сторону марки с безупречным клеевым слоем. В итоге я сдался. Махнул рукой и согласился. В сущности, этот «Розовый Маврикий» самому мне был ни к чему, ведь я же собирал «животных». И пусть даже первая марка в мире, если на ней изображен непонятно кто, никак не вписывалась в мою коллекцию.

— Значки при тебе? — деловито осведомился мой друг.

Я сказал, что нет, не при мне, но завтра принесу.

— Только ты обязательно принеси,— заволновался Боба,— а то мне за эту марку один знакомый целый альбом значков дает. А другой мой знакомый из клуба филателистов предлагает десять рублей, понял?! Но ведь я же для тебя как для друга, сам понимаешь...

На следующий день размен состоялся, снова на большой перемене. Боба пересчитал значки, спрятал их в карман, как-то странно усмехнулся и убежал. Весь следующий урок я тупо разглядывал маленький желтенький квадратик, ломал голову, почему же он называется «Розовый Маврикий», раз желтого, почти оранжевого цвета, в общем, не понимая, зачем он мне понадобился... И еще... мне было очень жаль моих значков, почти до слез жаль.

Вечером дома я показал марку папе, и сказал, что отдал за нее те значки «Ленинград», которые он мне принес из Всесоюзного общества филателистов.

— Это «Розовый Маврикий»,— сказал я, и не очень уверенно добавил,— самая ценная марка в мире...

Папа, лишь мельком взглянув на марку, внимательно посмотрел мне в глаза. Потом погладил по голове и мягко сказал:

— Тебя обманули, сын. Это не «Розовый Маврикий». Это вообще не марка. Но не расстраивайся, в мире коллекционеров много нечестных людей, попросту жуликов. В следующий раз будешь повнимательнее. И еще запомни: потерять гораздо легче, чем найти.

Все. Больше папа мне ничего не сказал, а я на следующий день потребовал у Мишки назад свои значки. Но Боба рассмеялся мне в лицо, и сказал, что ни за какие коврижки их не отдаст. Мена состоялась — возврата нет и быть не может, потому что назад вещи никто и никогда не меняет. А еще через день он смеялся еще больше, гадливо похрюкивая. Он признался, что эту бумажку вырезал из какого-то журнала, где и прочитал про «первую марку в мире». А клей, самый обыкновенный, с почты, сначала намазал спичкой, а потом равномерно размазал пальцем. Еще Боба рассказал об этом в классе, чтобы все наши друзья, и, особенно, девчонки, узнали, какой я дурак, и какой ловкий и умный парень Боба. Как я уже говорил, он и был самым способным, талантливым и развитым мальчиком в нашем классе в то время.

Что до меня, то грустил я недолго. Настали другие дни, пришли новые марки, новые книги, новые увлечения. А через несколько лет, когда мне пришлось побывать у Бобы дома, я увидел свои значки на самом почетном месте (только эти три значка на целом листе!) в одном из велюровых альбомов. Я смотрел на них со светлой грустью, но вернуть назад даже не попытался. Почему, не знаю...

С тех пор миновала целая жизнь, изменилось все, кроме, пожалуй, памяти. В июне этого года мы с женой поехали на «Вернисаж» в Измайлово, где любим побродить среди предметов и вещей Прошлого и Прекрасного, Прекрасного Прошлого, в общем. Не могу сказать точно, что меня остановило у этого продавца значками, но я стал просматривать его «товар», переворачивая одну за другой матерчатые планшетки. И... я увидел то, что, наверное, и должен был увидеть через Вечность. Это был один, из той самой серии «Ленинград», значок со Стрелкой Васильевского острова на красном фоне. Я тут же присвоил ему собственное имя — «Красный Ленинград-68». Вспышка в памяти, и все вернулось! Все-все, до мелочей, вспомнилось. Я смотрел на маленький красный прямоугольничек на золотистой колодке, и чувствовал волну какой-то светлой тоски (хорошо, хоть из глаз не закапало), и одновременно, облегчения. Вот он, мой «Ленинград», у меня в руках, оттуда, из 1968 года. Конечно, я его тут же купил. Продавец отдал недорого, но если бы он запросил две, три цены, или даже пять, я бы купил, не торгуясь. Ибо память бесценна, и ее вещественные свидетельства тоже. Я только сказал бывшему коллекционеру, а ныне реализатору, что должны быть еще два, на что он покивал головой, мол, да, знаем такое дело, но у него не имеется.

По приезду домой я зашел в Интернет и после недолгих поисков обнаружил изображение всех трех значков серии. Более того, я узнал, что имеется еще и другие подобные значки: Стрелка Васильевского острова на светло-бежевом и памятник Петру I на черном и зеленом фоне. Очень красивая серия «Ленинград». Но еще красивее то, что я о ней вспомнил и начал поиск.

Первым из «возвращенных» стал «Красный Ленинград-68»

